

УДК 551. 49 + 913 (091)

Б. Б. Муха, канд. геол.-мин. наук, доцент
кафедра физической географии и природопользования,
Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова,
ул. Дворянская, 2, Одесса-82, 65082, Украина

О КНИГЕ ЭВЛИЯ ЧЕЛЕБИ “КНИГА ПУТЕШЕСТВИЯ”: ОПИСАНИЯ ЗЕМЕЛЬ УКРАИНЫ (ПРОВИНЦИИ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ) И МОЛДАВИИ В XVII ВЕКЕ

Приведены выдержки из описания свидетеля и летописца событий середины XVII в. на территории нынешней Украины и Молдавии глазами весьма образованного дипломата, подданного Османской империи. Краткая характеристика ряда поселений того времени (Измаил, Килия, Аккерман, Ходжабай, Очаков, Умань, Киев (Кириловец) и др.) уточняет топонимику и время их возникновения. Описана природа засушливой степи, крайне неблагоприятной для проживания. Национальные и бытовые особенности коренного населения территории принципиальным образом отличаются от распространённых в лесостепной и лесной зонах, в частности — устройство жилья, промыслы и хозяйственная деятельность, продукты питания, одежда, духовные ценности.

Ключевые слова: краеведение; Молдавия, Украина: валахи, молдаване, москвиты, казаки, русы, оборонительные сооружения, посадки, обычаи.

Введение

Под таким названием Издательство восточной литературы совместно с Институтом народов Азии при Академии наук СССР в 1961 г. малым тиражом (всего 2800 экз.) выпустило книгу, содержание которой, в большинстве случаев, не известно никому, кроме узкого круга специалистов. Между тем, информация, изложенная на русском языке в этой книге, не потеряла ценности как для специалистов, так и для студента-географа, краеведа, рядового читателя, интересующегося вопросами краеведения и исторической географии края. Эта книга излагает прошлое “Дикой степи”, практически непригодной для длительного проживания, своеобразного “коридора” для прохода кочевых племен из Азии в Европу. Впоследствии эту широкую полосу суши к северу от Черного и Азовского морей стали называть “Диким полем”. Позже, после первых русско-турецких войн второй половины XVIII века, эта территория вошла в состав Новороссийского края (с 1764 г.) и Южной Бессарабии.

Среди источников, относящихся к истории нашей страны, особое место занимают известия иностранцев, имевших возможность в той или иной мере ознакомиться с данной территорией страны, населяющими её народами, занятиями и бытом жителей и т. п. в период Средневековья. Однако незнание языка, непонимание чуждых им обычаев и порядков, порой пренебрежительное отношение к местному населению препятствовали объек-

тивной оценке иностранцами жизни и быта наших предков, “москвитов” и всех славян вообще, молдаван, калмыков, армян, турок и др. Вместе с тем, главной особенностью освоения территории Северного Причерноморья и Приазовья явилось то, что эта территория постепенно заселялась представителями десятков народов из разных стран. Необычно звучит для нас, живущих в начале XXI столетия, но малороссы (современные украинцы) массово стали заселять Северное Причерноморье только в 60-е годы XIX века, после отмены крепостного права в Российской империи.

В то же время так называемые “сказания иностранцев” представляют исключительную ценность для исследователя как материалы, вышедшие из-под пера современника, нередко участника событий, человека осведомлённого, наблюдательного [2, 3]. В сказаниях иностранцев мы находим то, что обычно не остановило внимания отечественных описаний, составителей летописей и т. п. Иностранцев, как правило, интересуют быт, обычаи, одежда, жилища, поселения, торговля, ремёсла, т. е. всё то, что как обычное, повседневное, не интересовало авторов русских, украинских, белорусских, молдавских источников.

К такого рода “сказаниям иностранцев” относится и “Книга путешествия” весьма образованного турецкого путешественника XVII века Эвлия Челеби, содержащая описание земель Молдавии, Польши, России, причерноморских и приазовских в составе Османской империи. Как и в ряде аналогичных случаев, “Книга путешествия” Эвлия Челеби представляет для исследователя интерес прежде всего как сочинение современника, очевидца и участника ряда важных исторических событий.

Эвлий Челеби — в первую очередь путешественник, и его произведение ценно для исследователя тем, что в ней содержится очень много интересных и верных наблюдений, сведений, характеристик. Как и большинство восточных писателей, Эвлий Челеби склонен ко всякого рода преувеличениям, гиперболам. Порой его фантазия не знает предела, и он видит в маленьких украинских городках вместо хат замки, сотни лавок и т. п., но в целом ряде случаев его наблюдения, несомненно, верны, суждения справедливы, а сообщаемые сведения представляют большой интерес для специалиста.

Общие впечатления путешественника

В “Книге путешествия” Эвлия Челеби перед нами проходит описание многих городов средневековых Королевства Польского, Бессарабии и Молдавии: Киева, Львова, Черкасс, Кременчуга, Канева, Чигирина, Лубен, Каменца, Бара, Могилёва на Днестре, Рашкова, Збаража, Брацлава, Умани, Стены, Шаргорода, Подгайцев, Бочаргородка, Жаботина, Ломоватого, Медведовки, Капустина, Горелова, Кобеляк, Ладыжина, казацких паланок, Измаила, Аккермана, Бендер, Хотина, Сорок, Ясс, Сучавы, Текуча, Бырлада, Васлуя, Скынтея, Галаца, Цуцоры, Кишинёва.

Описание городов и крепостей, выполненные Эвлием Челеби, если отбросить явные преувеличения (800 лавок в Баре, 600 лавок и 200 церквей в

казацкой паланке, 90 церквей в Збараже, 1000 базаров, 2000 лавок и 4000 каменных дворцов в паланке Брод, 84 000 дворцов в предместье Львова и т. п.), то сведения о городах исторически верны. Эвлий Челеби говорит о домах местного населения, крытых камышом, дранкой, тесом. Такими крышами покрыты не только деревянные, но и каменные дома. В городах много лавок, базаров. При этом сообщается характерная деталь: в лавках торгуют главным образом женщины. Эвлий Челеби сообщает об обилии ремесленников в городах Прикарпатья, в частности во Львове и Бочаргородке. Во Львове трудится много суконщиков-евреев, живет много евреев и армян, а среди торговцев есть лазы, грузины, персы, венгры, “франки”.

Путешественника интересуют заезжие дворы, бани, которых не так много в “украинных” городах. Он отмечает факты имущественного неравенства, отмечая, что, например, в предместье Львова, наряду с “деревянными и крытыми тесом благоустроенными дворцами”, “есть и маленькие домики бедняков без виноградников и садов”. Путешественник внимательно наблюдает за занятиями местных жителей, подчеркивая плодородие почвы. Хороший белый хлеб, который Эвлий Челеби видел и ел в “украинных” городах Польского Королевства, свидетельствует о широком распространении пшеницы. Особенно интересует его садоводство. Эвлий Челеби подчеркивает, что там он видел хорошо возделанные виноградники, а в более северных областях, где также процветает садоводство, винограда нет, но зато много яблонь, черешен, груш и слив. Автор “Книги путешествия” многократно подчеркивает, что в Северном Причерноморье и Приазовье “из-за холодной зимы” не растут инжир, гранаты, лимоны, помаранцы, хурма и маслины. В лесостепи хотя и произрастает виноград, но по той же причине “он не вкусен и не сочен”.

Эвлий Челеби старательно описывает крепостные сооружения на территории современной Украины, не отказывая себе в удовольствии снабжать их многотысячными гарнизонами, украшать десятками церквей, укреплять десятками башен и многоверстными стенами, снабжать сотнями стволов крепостной артиллерии. Но если сообщаемое им очистить от плевел преувеличений, то останутся драгоценные зерна исторической истины. Особенно подробно описаны им Измаил, Килия, Аккерман, Очаков, Яссы, Бендеры, Каменец, Львов и некоторые другие крепости.

Большой интерес представляет описание паланки, расположенной на расстоянии одного перехода от Збаража на острове среди озера с болотистыми берегами. Описание весьма интересно: “...По топкому берегу и по чистой воде озера до самой крепости ведет бревенчатая гать длиною в два часа ходьбы. Когда же при помощи цепи в нескольких местах гать разводят, крепость оказывается на острове. Летом нет никакой опасности со стороны татар. Но зимой, когда озеро замерзает, сколько раз татары нападали на крепость и уводили в плен...”. Такие же паланки, стоящие среди болот, встречал он и в других местах, например в Капустиной Долине.

Эвлий Челеби интересуется и вопросами этнографии и языком местного населения того времени. Он подчеркивает, что в городах и селах Молдавии можно встретить не только молдаван, но и “казаков”, поляков, вала-

хов, цыган, венгров, сербов. В Полесье и Приднепровье, кроме “казаков” и “руссов”, много также и “москвитов” (русских, великороссов), армян, евреев, турок, молдаван, персов, венгров и др. Говоря о языке киевлян, жителей Киева и окрестностей, он пишет: “Язык их еще более всеобъемлющ и богат, чем фарси, кейтакский, монгольский и всякие прочие...” И тут же он отмечает, что “язык киевлян и древлян имеет сильное сходство с московитским (русским) языком”, но в нем поболее польских слов.

Он описывает внешний облик жителей Житомира, Киева, Фастова, Могилева, Переяслава, Черкасс, Золотоноши и окрестностей этих городов, их одежду, обувь, головные уборы. Указывается, что “...женщины из коренного населения ходят в юбках из цветного шелка, подпоясанные голубыми шелковыми фартуками со стамбульского берега... Богатые хозяева одеваются в сукно, на головах у них татарские шапки, на плечах расшитые серебром кафтаны; одеты в сапожки с загнутыми носками; в большинстве они занимаются торговлей..., многие обрабатывают землю и держат скот”. Жители крепости Подгайцы удостоились более подробного описания: “Все девушки в городе черноволосы, ходят с непокрытой головой в разноцветных халатах и желтых *папучах* (род восточной домашней обуви). Христиане-мужчины носят собольи шапки. Вся одежда чисто христианская: они надевают *доломаны* (удлинённый кафтан с отделкой) из сукна разных цветов и замши с золотыми и серебряными пуговицами, а подпоясываются жёсткими волосяными и шёлковыми поясами...” ([4] с. 58). Описана форма прически (“бритоголовые” казаки, косы “серноподобных” девушек).

Эвлий Челеби приводит ряд слов у коренных жителей “украинных” городов и сел (“яблук”, “часнок”, “чибуля”, “черевик”, “хлопче”, “парубок”, “овечка”, “хлеб”, “вода”), имена числительные (“один”, “два”, “три”, “четыре”, “пяк”, “шеск”, “сим”, “восим”, “девик”, “десик”), ряд выражений (“дай мени”, “куда идеш”, “хлеб принес”, “пувай здоров” и др.). Они весьма схожи с рядом современных украинских слов. Автор интересуется русской азбукой, состоящей из “двадцати девяти букв”, религией, которая “у жителей Киева”, “казаков” и у “москвитов” одна и та же, а именно — греческая. Более ревностных сторонников “греческого христианства” Э. Челеби нигде не встречал. Эти люди без страха шли на лишения и даже смерть, отстаивая свою религию и свою землю.

Видимо, Эвлий Челеби записывал эти слова и выражения со слов любого казака или чиновника, с которым ему приходилось сталкиваться, но вряд ли мы ошибемся, если предположим, что главными информаторами и “учителями” этого языка выступали представители местной старшины и купечества, с которыми чаще всего общался Эвлий Челеби. Об этом говорит, например, одно выражение среди немногочисленных прочих местных выражений, встречающихся у Эвлия Челеби. Его мы находим в “Книге путешествия”, а именно “мужик исфинья” (свинья), которое имеет ярко выраженную социальную направленность.

Эвлий Челеби, несомненно, хорошо разбирался в социальных отношениях, установившихся на восточных землях (“украинных”) Королевства Польского. Так, например, о вольном “казацком народе”, населявшем сто-

явшую на Днепре “крепость Крылов”, не подчинявшемся ни Польше, ни Москве, ни Крыму, он говорит как о “толпе избежавших виселицы, заблудившихся людей”. Этот народ не имеет собственности, не имеет семьи и худобы, а только грабит караваны и проезжих людей.

И тут мы сталкиваемся с определенной социальной интонацией. С точки зрения информаторов Эвлия Челеби, принадлежавших к феодальным верхам, вольные казаки, запорожцы, ревностные борцы за веру, за свою землю, за свой язык, против панского гнета были преступниками, достойными виселицы, “заблудившимися людьми”, искавшими враждебной феодалам социальной правды. Эвлий Челеби охотно принимает их трактовку социального происхождения “казацкого народа”, “разноплеменного общества”, поскольку он сам принадлежит к той же феодальной социальной среде, но только иного языка и вероисповедания.

Военное дело и войны в книге Эвлия Челеби

Эвлий Челеби неплохо знает военное дело. Судя по тому, что сообщает этот путешественник из своей биографии (в течение 26 лет он “десять раз был в рядах сражающихся и одиннадцать раз вместе с османским войском участвовал в осаде важных крепостей”), он не был новичком в военном деле и скорее наблюдателем, чем воином, принимал участие во многих военных походах.

Войны и грабёж, сопровождавшийся зверствами, в представлении Эвлия Челеби неотделимы. Не только не смущаясь, но любясь и хвастаясь этим как проявлением воинской доблести, он говорит о том, что татары (вассалы и союзники турок) и турки опустошали земли Московии, Валахии, Молдавии, Подолии, Приднепровья, Слобожанщины. Агрессоры грабили и насиловали население, проявляя при этом невероятную кровожадность и жестокость, как рыскали они повсюду в поисках добычи и “ясыря”, предавая всё огню и мечу, как убивали пленных, предавая их мучительной казни [1]. Очевидно, в связи с законами турок и татар того времени, Э. Челеби сообщает, что “...с нашей стороны чашу смерти осушили 700 человек из татарского войска. Их тела были посыпаны солью и на плотях переправлены в Крым. А тела 7065 душ поляков, “законных” казаков и других неверных, прибывших нам на помощь, были преданы земле...” ([4] с. 69).

Эвлий Челеби даёт очень подробные и интересные описания татар в походе (“...юноши из разных татарских племён-охотников за врагами: ширин, мансур, седжют, аркан, дайыр, улан, бадырай, ногай, ормин, имансадак”, с. 64), их воинского строя, тактики, вооружения. Стремясь возвысить их как борцов за “истинную веру” и показывая их жестокость по отношению к “неверным”, автор книги восхищается: “...Воины ислама протянули руки к колчанам и на тетиву каждого лука положили по 2–3 тяжёлые стрелы и к наконечнику каждой стрелы привязали по 1–2 куска серы, а серу подожгли. Короче говоря, все воители бога единого вложили в свои руки всю свою силу и вознесли к Аллаху крики “Аллах Акбар”, шедшие из глубины сердца и души...” ([4] с. 224).

Одним из проявлений воинской доблести своих единоверцев Эвлия Челеби считает их чудовищную жестокость. Турки добивают раненых, казнят пленных, отрубая головы трупам и т. п. Ничуть не смущаясь, автор [4] пишет: “Проворные молодцы и мародеры из числа татар и ногайцев, отказавшихся в эту ночь от отдыха, грабили и обирали трупы неверных — эти смердящие трупы грешников, оставшихся на поле сражения” (с. 227). Все это должно было бы, казалось, утешить, запугать их противников, подавить в них стремление к сопротивлению. Но на самом деле именно эта жестокость побуждала славян беззаветно бороться с турецкими завоевателями и угнетателями.

Но особенно энергично и успешно боролось с турками казачество и, в частности, Запорожская Сечь. Характерно, что боевым кличем наших предков в те времена было имя Христа. Как отмечает в своих путевых записках Э. Челеби, “...Из 70 мест доносились крики “Иисус!”, и они вопили, завывая, как лесные шакалы” ([4] с. 226). Казаки не видели большего преступления, чем “продаться басурману” или “хоть на палец поступиться верой”.

Надо отдать справедливость Эвлию Челеби: он объективно оценивает воинскую доблесть как казаков, так и всех славян. Говоря “о характере мятежных казаков, или бритоголового народа”, он восклицает: “Да помилует нас Аллах! Те, которые не видели своего народа, даже великие толкователи религии, не могут знать, какова душа этих врагов общины Мухаммеда и других народов. Вступив в их страну..., мы проезжали по ней с молитвами... Потому что однажды во время войны за крепость Азов я, ничтожный, хватил горя от этих злодеев и видел, как они воюют и дерутся”. И далее: “Казачий народ — это стойкий, упорный и сердитый народ”. Казачьи банды характеризуются как “племя неустрашимых *кяфиров*”. Не стесняясь, не боясь быть обвиненным в трусости, он пишет, что турки “из-за страха перед казаками совершенно не знали ни сна, ни отдыха”.

Казачество, по словам Эвлия Челеби, обладает большой притягательной силой. Среди казаков встречаются и москвиты, и молдаване, и черкесы, и татары, и, видимо, турки, так как некоторые казаки говорят без акцента по-турецки... Показательна причина, по которой степную местность к югу от нынешнего пос. Роксоланы Одесской области называли *От-Ярык*: “...каждый прибывающий по этой безжалостной пустыне из Крыма, Кинбурна или Очакова, если дело происходит темной ночью, собирает сухую прошлогоднюю траву и делает знак, т. е. зажигает костер, чтобы его видели в Аккермане (нынешний Белгород-Днестровский), стоящем на противоположном берегу. Тогда жители Аккермана... прибывают сюда на лодках, переговариваются с прибывшими и, если это мусульманин или подданный падишаха, переправляют его на другой берег.

Но несколько раз *кяфиры* (знающие по-турецки казаки), прибыв на это место, зажигали костры из травы, и как только из Аккермана прибывали на лодках люди, казаки захватывали их в плен и удалялись. С той поры наученные горьким опытом аккерманцы уже не принимают каждого случайного человека по каким угодно сигнальным кострам, а принимают

только гонцов и путников, узнав их по кострам, разложенным особым образом. Вот почему это место названо *От-ярык* (*от* — “трава”, *ярык* — “костёр”, турецк.)” (с. 107).

Эвлий Челеби сообщает о “знаменитом аге”, некоем Рыдване, “руссе”, т. е. православном славянине по происхождению, который, очевидно, был взят в плен (он происходил “из рабов”). Затем “рус” продвинулся на военной службе у турок и стал *капуджибаши* (капуджибаши — один из саванников султанского двора, начальник дворцовых привратников. В их подчинении находилось от 500 до 2 000 капуджи...). Но даже через сорок лет он не забыл своей настоящей родины, бежал к “мятежным казакам”. На подконтрольной им территории беглец основал крепость Рыдванец.

Автор “Книги путешествия” посетил Запорожскую Сечь, где узнал о том, что казачество на Приднепровье весьма неоднородно. Казацкие старшины придерживаются разной ориентации. Путешественник говорит о казаках Дорошенко, о казаках Серко, Барабаша и др. Особенно много пишет Эвлий Челеби о Серко и Дорошенко. Из русских воевод ему известны Шереметев, Бутурлин, описанию сражений с которыми Эвлий Челеби посвящает много страниц своего труда. Основное занятие “законных казаков” — охрана государственных рубежей, контроль за переправами через Днепр, жизнь в условиях свободы.

Население и населенные пункты

Далее будут процитированы отдельные факты краеведения, истории и географии из книги Эвлия Челеби, которые, по мнению автора статьи, малоизвестны читателю, и некоторые соображения по поводу географических названий и др. Они описывают населенные пункты и население тех территорий, которые были посещены автором “Книги...”.

В окрестностях Днестровского, Хаджибейского и Тилигульского лиманов путешественник встречал в основном татарское население. При подходе к долине р. Барабой он пишет: “...Племя татар называет эту местность *даллык* (отметим сходство с современным “Дальник”) из-за того, что здесь лощина покрыта кустарником... Мы проделали 14-часовой переход и прибыли в землю крепости Ходжабай. Когда султан Баезид завоевал Аккерман, один богатый человек, прозванный *Бай* (Бай значит — “богатый”), получил разрешение султана и построил в этом месте на скале прочное укрепление, поместил в нем небольшой отряд воинов. Он сделался обладателем пяти стад по 1500 овец и после долгой счастливой жизни его стали называть *Ходжабай*. До сих пор постройки этого укрепления сохранились и хорошо видны на берегу Черного моря, на крутой скале. Если это укрепление хотя бы немного подправить, местность станет населенной, а дорога — безопасной. В этих местах из Черного моря добывают соль, а жалование гарнизону выплачивают солью...” ([4], с. 108). Вполне подходящей может быть ассоциация с турецким замком “*Хаджибей*”. Но вот указание на Черное море как источник соли неверно, видимо, добыча происходила из лиманов.

Далее упоминается “местность Дели-гелю” (вполне возможно — Тилигул?), где встречаются редкие татарские и турецкие поселения, а люди занимаются рыбной ловлей, добычей соли и торговлей. Эвлия Челеби здесь встречали мусульмане, а о христианах ничего не говорится. Говорится об “острове Тентере”, что по произношению похоже на “Тендровская коса”. Но следующая фраза заставляет отвергнуть это предположение: “...Напротив острова Тентере она (река Березань) впадает в Черное море, в ширину имеет одну милю” (с. 108). Если это так, то, вероятнее всего, речь идет об острове Березань.

Последующее описание весьма интересно: “...крепость Очаков является центром *эйялета*”. Напомним, что *эйялет* — это наиболее крупная административная единица, на которые делилась Османская империя; а она, в свою очередь, делилась на санджаки. В XVII веке было более 20 *эйялетов*. И далее необходима длинная цитата: “Одно из названий данного *эйялета* — Джан-Керман — татары произносят как Дижкерман. И вследствие того, что она находится на берегу Днепра, ее называют также Днепровской крепостью...” ([4] с. 113). Недалеко от Очакова расположены еще две крепости — Хасан-паша и Кылбурун (вероятнее всего “Кинбурн...”) ([4], с. 109). В этой крепости насчитывается 200 домов, сверху донизу обмазанных глиной: они имеют верхний этаж, дворы с палисадниками. Дворец бея также находится в этой крепости, все улицы которой чистые, мощеные. Дорога ее — только чтобы разминулись два человека. Имеется 20 мелочных лавочек, и по соседству с ними — небольшая баня с тремя углублениями для воды. Воду для нее привозят на лошадях. Здесь же расположены арсеналы, склады зерна и всегда готовые к действию, исправные пушки.

С восточной стороны крепости холм, с западной — степь, а полоса земли по краю рва расстоянием в полет пушечного ядра представляет собой хорошо возделанный огород. Здесь много дынь и арбузов, зато садов и виноградников нет... В этой степной местности нет ни одного посаженного дерева... Крепость Очаков является портом: в нее на Аккерман, Килию и Измаил отплывают и к ней прибывают суда. Имеется множество судов, чтобы переправлять войска на противоположный берег” ([4] с. 110).

“...Внешние посады Очаковских крепостей также упоминаются, их три. Близ этих крепостей... в 500 шагах от оборонительных сооружений в сторону моря имеются... крытые тростником еврейские, валашские и молдаванские дома. Из них до 200 сооружены из грубых ковров и циновок, крыты тростником и камышом... Удобных зданий на фундаменте здесь вовсе нет, ибо каждый раз во время войны приходят казаки и все вокруг рушат и жгут... Здесь же склады; все они крыты землей... Здесь под поверхностью земли имеются 2000 погребов с пшеницей, ячменем и рожью...” ([4], с. 115).

В тексте книги Эвлия Челеби упоминается, как уже говорилось, “небольшая крепость, называемая *Кылбурун*. Это название обозначает “тонкая коса”, — тоненькая, словно волос (*бурун* — “мыс, нос, коса”; *кыл* — “волос” — турецк.). В тексте написано, что “...каждый раз штормовые волны Черного моря перехлестывают через нее в реку Днепр, а воды Днепра по-

рою перехлестывают в Черное море... Караваны, направляющиеся в Крым, собираются в этой крепости и группируются в отряды численностью до одной-двух тысяч человек...” ([4] с. 118). Это описание точно указывает на Северную Кинбурнскую косу и крепость “Кинбурн” в 4 км южнее Очакова. К тому же, как видим, Э. Челеби отождествляет Днепро-Бугский лиман с Днепром.

Любопытна такая информация, касающаяся восстановления порушенной крепости Очаков. “...На малые чайки, лодки, чайки и корабли был погружен строевой лес... из Аккермана, сухари, черный порох и ядра... несколько кантаров гвоздей (*кантар* — мера веса, равная 56,41 кг), и все мастера-строители Аккермана и Килии. Была погружена пшеница и просо...” Почему строевой лес грузили из Аккермана и откуда он там взялся? Значит ли это, что севернее Очакова, по берегам Днепра такого леса не было, или его боялись заготавливать из-за присутствия в регионе казаков? Что в те годы понималось под названием “строевой лес”? Скорее всего татары боялись подыматься вверх по Днепру и заходить в плавни. Поэтому можно с уверенностью утверждать лишь то, что в Аккерман лес сплавлялся сверху по Днестру, в результате торговли с молдаванами или Прикарпатской Русью.

Эвлий Челеби обращает внимание на крепость Умань. Эти записки рассмотрим более подробно: уже несколько десятилетий ежегодно студенты Одесского университета выезжают в парк “Софиевка” на экскурсии в порядке прохождения учебной практики, а им нужно более подробно знать об этом городе. Некоторые краеведы именуют названную крепость “Уманец”. Умань представлена как большой *портовый* (?) город на берегу реки; это, думается, преувеличено, маловероятно, даже учитывая, что речь идет о реке Уманке в месте впадения в нее рек Паланка и Каменка. Видимо, здесь делали речные лодки и проводили их по Уманке, Ятрани, Синюхе в Южный Буг и далее к Очакову. Путешественник свидетельствует: “Крепость находится под властью руководителей казацкой страны. Округа её простираются на пять часов пути. Скорее всего, это обычная паланка с частоколом из толстых брёвен, обнесённая земляным валом. Высота её стен — 20 локтей. Насыпной вал имеет в ширину 10 аршин. Бастионы её в высоту по 23 локтя. Пушки — малых размеров. Всех ворот — 21, в большинстве своём это деревянные ворота, выходящие к берегу р. Уманки и служащие для забора воды. К северу от крепости местность заросла камышом и заболочена. Во все стороны от крепости легла равнина, на которой красуются благоустроенные деревни. Ныне крепость *находится под властью польского короля, а правитель её — Дорошенко*... Судя по ответам видных мужей, находившихся в крепости, внутри городских стен... большие и малые дома с верхними этажами. Все дома крыты дранкой или тёсом, снабжены печурками и русскими печами... Один из начальников крепости... — таможенный начальник” ([4] с. 88).

Другой крепостью на описанной территории является город Измаил. В путевых записках поясняется: “Это — строительное творение *Салсала*. Город этот в 1484 г. завоевал капудан султана Баезида хан Исмаил, поэ-

тому его называют Измаилом (до турецкого завоевания город назывался *Смил*)... Правителем города на основе обычного права является ставленник главного евнуха, и он правит с помощью 400 своих людей. Это высокая должность, и она сдаётся на откуп.

...Три квартала в нём (Измаиле) — мусульманские, а остальные населены греческими, армянскими и еврейскими *реайя* (араб. “*пасомые, подданные*”). В XV–XVII вв. таким было название всего феодально-зависимого сельского населения Османской империи. Крыши домов в большинстве застланы тростниковыми плетёнками или покрыты камышом. Все дома, постоянные дворы, мечети, имеющие кирпичные стены и крытые черепицей, находятся в мусульманских кварталах. Зданий, крытых свинцом, в городе нет... Мостовой в городе нет совсем. Предписано, что в гавани его непременно стояло пятьсот судов.

...Волости и селения — сплошь татарские. Граница земель города Измаила на востоке сходится с Килийским *каза*, что есть административная единица, подчинённая санджаку. Северо-восточный край Измаильского каза граничит с землями Аккермана, а северный проходит по деревням Тобак и Искерлет, а также по молдавской крепости Галац, расположенной на границе молдавских земель. Очень хороши здесь мёд, мясо, сыр, белуга, копчёная осетрина, чёрная икра, а на полях — пшеница и ячмень. Много тут белого хлеба. На невольничьем рынке много белых рабынь и невольников-мальчиков. Всё население города живёт куплей-продажей, промышляет торговлей с валахами и молдаванами... В этом городе живут купцы, торгующие белугой и осетром... Так как на берегах Дуная имеется почти 2000 казённых рыбных лавок, то купцы ежегодно отправляют 2000 повозок солёной рыбы в польские, немецкие и московские земли. По обилию комаров этот город является местом, вызывающим изумление” ([4] с. 31–32).

Аккерман. Его первооснователем Э. Челеби называет также некоего *Салсала*. Во время путешествия, как говорится в описаниях, “...название этой крепости было Богаз-конман... Эта крепость воздвигнута из ракушечника на крутой скале Днестра. Река Днестр впадает в Черное море на расстоянии двух пушечных выстрелов от крепости... Прежде всего следует сказать, что окружность этой крепости составляет 3060 шагов. Но я измерил ее по внутреннему ряду стен, а крепость эта имеет еще 3 ряда стен наружных... На берегу реки Днестр стены низкие. Однако они имеют внушительные, мощные укрепления. Противоположная сторона крепости обращена к суше, и она также представляет собой прекрасное укрепление в три ряда прочных валов.

...Ворот в крепости трое; двое из них — небольшие ворота, выходящие на реку Днестр, а одни — прочные железные ворота в три ряда, с весьма оживленным движением, обращенные на восток, к посадку...Всего в крепости полторы тысячи крытых дранкой благоустроенных домов; домов же, крытых черепицей, нет совсем. Имеется мечеть султана Баезида — это приятного вида мечеть с одним минаретом”.

Далее Э. Челеби продолжает: “...На трех рядах стен крепости имеются по-разному, но искусно построенные башни, стоящие одна внутри другой,

украшенные разнообразной росписью и кладкой, резьбой и облицовкой. Некоторые из них представляют собой высокие башни, крытые свинцом... В плане эта крепость имеет форму четырехугольника. В ней проходит шесть рядов прочных разделительных стен.

...А ров перед воздвигнутыми на скале тремя рядами стен имеет пятьдесят аршин глубины... Крепостная стена, идущая по краю этого глубокого рва, представляет собой внушительную преграду толщиной в сорок шагов... Перед большими воротами имеется висячий деревянный мост. Каждую ночь стража с помощью ворот поднимает мост, прислоняет его к железным воротам, и тогда нельзя ни войти в крепость, ни выйти из крепости” (с. 33–35).

Оригинальным представляется посад Аккермана: “В нем тринадцать кварталов. Все дома в них деревянные, с верхними этажами, крыты тесом, имеют деревянные дворы, окружены виноградниками и садами. ...Некоторые дома, жилые постройки, кофейни крыты тростником или камышом... В семнадцати местах имеются начальные школы, и, к слову сказать, великолепная школа, расположенная в торговых рядах... В восточной и южной частях посада бесчисленные виноградники и сады. А в западной стороне тянутся гряды песчаных холмов... Украшение посада — купцы и муджахиды, идущие по пути, указанном Аллахом... Многочисленные жители носят татарские шапки, едят конину, надевают овчинные шубы, пьют бузу и медовуху... Город славится белым хлебом, маслом для маяков, ядерной пшеницей, ячменем и песком для часов” ([4] с. 33–38).

Крепость Кирилов (или Киев). Со времени своего основания и по сей день эта крепость находится в руках московитов; достойно отметить, что это красивая крепость. А закон киевских и московских князей был таков: если какой-нибудь князь умер, то тело его непременно хоронят в этом Киеве-Кирилове, и в этом же городе происходит коронация князей. Так как эта древняя крепость стоит на священном для поляков и московитов месте, то этот Кирилов почитают во всем *Ференгистане*, т. е. в стране *ференгов*. Это общее название европейских стран у турок и многих других народов Востока, от турецкого: *ференг* или *франк*, синоним европейца, христианина. И поляки, и московиты подносят киевским монахам дары и дают обеты. На языке московитов эта крепость называется Киев, но между разными народами ее называют Киевец, Киевлич и другими именами, и даже — Кирилловец.

Килия и Дунай XVII века

Килия. Эвлию Челеби турецкие сановники рассказывали, что основатель ее — некто по имени Кылыбов из кяфиров Молдавии уже после захвата поселения турками в середине XV века. Этот Кылыбов был сначала бедняком, но, занимаясь на Дунае ловлей белуги и осетров, стал обладателем миллионного состояния. Впоследствии он стал даже королем (точнее — господарем) Молдавии. “...И так как район Килии является причиной его возвышения и крепость здесь была сооружена во время его царствования,

то ее и называли крепостью Кылыбова. В дальнейшем же в просторечии она получила известность как крепость Килия” ([4] с. 154).

И, конечно же, Э. Челеби не мог пропустить описание данного сооружения: “Эта крепость расположена в устье Дуная при впадении его в Черное море, имеет форму круга..., с тремя рядами стен. С одной стороны внешних укреплений совершенно нет. Эта прелестная крепость на низком, ровном месте, с большим количеством превосходных лугов, виноградников и садов... Сторона, выходящая на сушу, имеет три ряда стен, а со стороны Дуная — два ряда стен, но рва нет. Всего 170 укреплений. Из башен, построенных на фундаменте, основные следующие. Вдоль реки Дуная — башня визирия султана Баезида Гелика Ахмед-паши, далее последовательно размещены Красная башня, Комендантская башня, Тюремная башня, Плоская башня и башня Маяка. На ней и теперь каждую ночь зажигают маяк. Прибывающим ночью судам он подает знак и является большим благом... Все эти башни имеют превосходные купола в виде остроконечных шапок и крыты тесом... У Большой крепости со стороны суши проходит в человеческий рост широкий ров. Когда Дунай разливается, то воды его заливают этот ров, и тут ловят рыбу”.

И далее путешественник продолжает: “Наружная крепость имеет всего четверо ворот. Одни из них — на западе, двухрядные железные, открываются в обширный посад... Трое ворот потайные и выходят в разных местах на берег Дуная. Их называют Водяные ворота. От этих ворот внутри крепости идут рвы, сверху покрытые досками. Кто их увидит, подумает, что это дороги. Но по низу их могут передвигаться верховые, мулы, кони. Вся крепость внутри разделена улицами на 150 участков, расположенных в шахматном порядке. На всех улицах — настил из толстых бревен, а под улицами прорыты во всю длину глубокие, в рост человека, широкие крутые рвы, сверху покрытые мостовинами. Во время осады каждый житель утаскивает себе в дом эти мостовины, дороги исчезают, улицы становятся вровень с водами Дуная. Рвы раскрываются и враг не осмеливается войти в город, так как рвы очень топкие и опасные. Из угловых домов, да и из всех других домов, глядят обращенные на эти улицы-рвы амбразуры с пушками и ружьями. В начале же улиц имеются укрепленные дома, устроенные так, что если враг все же войдет в город, то из этих домов на него польется карающий дождь ядер, свинца и камней. В городе имеется 700 мрачных на вид домов, без дворов, садов и виноградников. Все дома эти крыты дранкой. Верхние этажи деревянные, благоустроенные. Есть в крепости соборная мечеть, а также семь малых мечетей” ([4] с. 156–158).

Чувствуется, что для Э. Челеби Килия появилась только с приходом турок на берега Дуная, поэтому он о древности Килии не распространяется. Необычность устройства крепости его захватывает, и во многих частях своей книги Э. Челеби с восхищением описывает детали. Например: “Цитадель. К востоку от Большой крепости, в излучине Дуная, рядом с наружной крепостью имеется квадратная, довольно маленькая, искусно сделанная крепость... Маленькие железные ворота открываются прямо в Большую крепость. В двух рвах, окружающих укрепления, полно рыбы,

которая там плавает. На запад от Большой крепости, на равнине, расположился большой посад в форме пятиугольника. В одиннадцати кварталах посада имеется 2000 крытых дранкой двухэтажных и одноэтажных домов с крытыми дворами... Много начальных школ. В торговых рядах на берегу реки имеется баня, которая крыта свинцом... Есть также караван-сарай для купцов.

Рабы и пленные очень дешевы... Знатные жители города — купцы и работорговцы...

Виноградники и сады в бесчисленном множестве. Из наиболее восхваляемых продуктов — килийская бастурма из говядины и баранины. Бывает очень вкусное и хорошего откорма постное мясо. Также хороши мед, масло, пшеница, много рыбы...”

А далее приведем длинную цитату, которая показывает использование ресурсов Дуная местным населением. Эвлий Челеби считает необходимым основное внимание уделить рыбной ловле: “...Вверх по Дунаю от крепости Килии навалены по обоим берегам, точно горы, мачтовые бревна длиной в 70–80 аршин каждое. Они доставляются сюда на 200 судах... Эти бревна вбивают в дно Дуная от обоих берегов навстречу друг другу и в промежутки вбивают еще жерди. Через них проходят воды Дуная. В середине оставляют проход шириною в 20 жердей, чтобы не препятствовать движению судов по Дунаю. Эти вбитые сваи обвивают длинными лозами дикого винограда, и другими длинными жердями с развилкой на конце опускают эти навитые лозы до самого дна Дуная. Затем, когда эти лозы всплывают на поверхность Дуная, то часть реки получается огороженной наподобие загона. Из него не может выйти рыба размером даже в пядь.

Затем на внутренней стороне этой западни, на самой середине Дуная, вбивают несколько сот свай и на них устанавливают временную постройку с кофейней и множеством комнат, а на уровне воды в полу делают окошки. Правитель Эмин-ага и 300 его помощников и ловцов рыбы, заглядывая через окошки в западню, наблюдают. За этими вбитыми кольями и решетками из лозы на глубине в полчеловеческого роста расставлены сплетенные из лозы клетки, величиной в пять паласов.

Когда весной рыба хочет выйти на обширные и привольные морские просторы..., то, подхваченная течением воды, она... устремляется через этот узкий проход. Тогда рыба оказывается в ловушке, и рыбаки веревками тянут клетки. Тут-то помощники и начинают бить 10–15-аршинных белуг и 5–8-аршинных осетров, и поверхность Дуная окрашивается кровью. Пойманных рыб солят и соленую рыбу продают на золото многим тысячам купцов. Последние же отправляют соленую рыбу повозками в страны неверных.

Из некоторых осетров добывают по 5–6 кантаров (?) черной икры. Днем и ночью дежурят ловцы у отверстия этой западни и вылавливают все, что туда попадает... А когда внезапно наступает суровая зима, то больше семи месяцев рыбы не бывает. С наступлением зимы садок и постройка на нем снимают, а весь строительный материал сваливают горой на обоих берегах Дуная” ([4] с. 154–159).

Выводы

Изложенное выше в нашей статье позволяет сделать ряд выводов.

1. Специалисты-краеведы, занимающиеся вопросами изучения древностей, должны подходить к “Книге путешествия” весьма осторожно. И дело не только в склонности Эвлия Челеби к преувеличениям, к безудержному полёту фантазии. Но также следует учитывать недостаточную осведомленность информаторов путешественника.

2. Рассмотренные путевые записки Э. Челеби представляют собой свидетельство очевидца, а потому особенно ценны. Его текст дает довольно полное представление о населении территории, вероисповедании, ремеслах, одежде.

3. Необычайные сведения путешественник сообщает о казаках. Уже тогда выделялись казаки вообще и “законные казаки” (очевидно — “реестровые”). Их он изображает как интернациональное сообщество вольных людей, для которых свобода дороже семьи, детей, ведения хозяйства и собственного жилища. Своими боями с татарами, турками и другими “басурманами” они защищают “православное население” от порабощения.

4. Северное Причерноморье и Приазовье, между устьями Дуная и Дона, степные просторы до границы с лесостепью и лесом засвидетельствованы как природная среда, мало пригодная для проживания. Главными причинами Э. Челеби считает недостаток воды, топлива, ненадежные укрытия от врагов, невозможность заниматься сельским хозяйством.

Литература

1. Карамзин Н. М. Предания предков. Сказания, легенды, рассказы из “Истории государства Российского”. — Москва: Правда, 1987. — С. 45–69.
2. Муха Б. Б. За пределами реального (новые данные о самых ранних памятниках первобытного человека по находкам в одесских катакомбах) // Эниология. — 2003. — № 4. — С. 70–78.
3. Рясиков Л. В., Муха Б. Б., Суворов Ю. В. Тимофей Григорьевич Грицай — первый директор подземного палеонтологического заповедника Одесского государственного университета им. И. И. Мечникова // Известия Музейного фонда им. И. И. Мечникова. — 2006. — Том. — № 3. — С. 12–22.
4. Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). — Выпуск 1: Земли Молдавии и Украины. — Москва: Изд-во Вост. лит., 1961. — 338 с.

Б. Б. Муха

кафедра фізичної географії та природокористування,
Одеський нац. університет імені І. І. Мечникова,
вул. Дворянська, 2, Одеса-82, 65082, Україна

**ПРО КНИГУ ЕВЛІЯ ЧЕЛЕБІ “КНИГА МАНДРІВ”: ОПИСИ ЗЕМЕЛЬ
УКРАЇНИ (ПРОВІНЦІЇ РЕЧІ ПОСПОЛІТОЇ) ТА МОЛДАВІЇ В XVII
СТОЛІТТІ**

Резюме

Виконаний аналіз шляхових нотатків у книзі відомого турецького дипломата і мандрівника Евлія Челебі. Він описав давню територію, де зараз розташовані Польща, Молдова, Україна, Угорщина, Румунія. Особлива увага була приділена степам Північного Причорномор'я. В книзі міститься інформація про природу, річки, населення, поселення, звичаї, ремісництво, сільське господарство, торгівлю, військові події XVII століття.

Ключові слова: краєзнавство, Молдова, Україна, валахи, молдовани, московіти, посади, звичаї.

B. B. Mukha

Odessa National Mechnikov's University,
Dept. Physical Geography and Nature Management,
Dvoryanskaya St., 2, Odessa-82, 65082, Ukraine

**ON EVLIY CHELEBY BOOK NAMED “DOOK OF TRIPS”:
DESCRIPTION OF UKRAINIAN (AS A POLISH PROVINCE PART)
AND MOLDAVIAN LANDS IN XVIII CENTURY**

Summary

Geographical analysis of Evliy Cheleby (popular and educated Turkish traveller) travel book was made according to text of the Russian version. The traveller described ancient territory of current of Ukraine, Poland, Hungary, Moldavia, Romania and arid steppe area nearest of the Black and Azov Seas northern coasts. Special attention was given consideration for territory between mouths of Danube and Dniepr Rivers. In the Cheleby's travel book located information about nature of the area, rivers, population, villages, customs, handcraft, farmings, trades, military events in XVII century.

Key words: Moldova, Poland, Tartaria, towns, fortifications, steppe area, population, trades, rivers.